

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-48-69

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ ЖИТЕЛЯМИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Афанаскин А. Б., Шульга Т. И.

Государственный университет просвещения

*141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

Аннотация

Цель – проведение сравнительного анализа понимания социальной напряжённости жителями России и Казахстана.

Процедура и методы. Исследование понимания и восприятия социальной напряжённости в обществе гражданами РФ и Казахстана проводилось методом опроса, который обрабатывался методом контент-анализа (тематического анализа). Исследование проводилось в г. Москве в 2022–2023 гг., всего в исследовании приняли участие 418 респондентов – жителей России (240 человек) и Казахстана (178 человек) от 21 до 45 лет, средний возраст составил 30 лет. Опрос проводился посредством сети Интернет.

Результаты. На основе полученных ответов с использованием метода контент-анализа выявлено разное понимание и восприятие социальной напряжённости жителями двух государств. Рассогласованность понимания и восприятия социальной напряжённости связана с рядом изменений в социальном обществе, явлений, которые вызывают напряжённость и отношение к ней. Выявлено, что общим для жителей, проживающих на разных территориях разных государств (РФ и Казахстана), является восприятие и проявление социальной напряжённости как страха, негативного психологического переживания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в понимание восприятия социальной напряжённости жителей разных государств социальной психологией. Результаты создают основу для проведения дальнейших количественных исследований в данной проблемной области для оказания психологической помощи жителям при снятии социальной напряжённости.

Ключевые слова: социальная напряжённость, напряжённость, стресс, кризис

© СС ВУ Афанаскин А. Б., Шульга Т. И., 2024.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PERCEPTION OF SOCIAL TENSION BY RESIDENTS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

A. Afanaskin, T. Shulga

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi, 24, Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to conduct a comparative analysis of the understanding of social tension by residents of Russia and Kazakhstan.

Methodology. The study of the understanding and perception of social tension in society by citizens of the Russian Federation and Kazakhstan was conducted by a survey method, which was processed by the method of content analysis (thematic analysis). The study was conducted in Moscow in 2022-23, a total of 418 respondents took part in the study – residents of Russia (240 people) and Kazakhstan (178 people) from 21 to 45 years old, the average age was 30 years. The survey was conducted via the Internet.

Results. Based on the responses received using the content analysis method, different understanding and perception of social tension by residents of the two states were revealed. The inconsistency of understanding and perception of social tension is associated with a number of changes in social society, phenomena that cause tension and attitudes towards it. It has been revealed that what is common for residents living in different territories of different states (Russia and Kazakhstan) is the perception and manifestation of social tension as fear, negative psychological experience.

Research implications. The research contributes to the understanding of the perception of social tension of residents of different states in social psychology. The results provide the basis for further quantitative research in this problem area to provide psychological assistance to residents in relieving social tension.

Keywords: social tension, tension, stress, crisis

Введение

Глобальные изменения, происходящие в мире, связаны с постоянным ростом социальной напряжённости, которую испытывает человечество. Рост социальной напряжённости приводит к негативным переживаниям, стрессу, а также повышению агрессивности во взаимоотношениях людей. В процессе социализации человечества происходит некоторое сворачивание социальных связей, появляются ограничения во взаимодействии людей разных стран, снижается общение, постоянно возникают переживания стресса, страха, недовольства общественными от-

ношениями разных народов. Всё чаще фокус внимания людей направлен на внутренние переживания, снятие социальной напряжённости, что и определило актуальность данной темы исследования.

Социальная транзитивность представляет собой неопределённость, обуславливаемую в первую очередь глобальными миграционными процессами между государствами, которые влекут за собой культурные, этнические, религиозные и другие пересечения. С другой стороны, они носят разнонаправленный характер, что в свою очередь только увеличивает неопреде-

лённость взаимоотношений и взаимодействий между людьми.

Особенностью этой неопределённости является то, что она затрагивает подавляющее число населения. При этом каждый отдельный человек может не осознавать данного воздействия в конкретный момент времени. Эти воздействия также могут пересекаться, накладываться друг на друга, вызывая разнонаправленные реакции. Эти реакции носят проявления во взаимодействии народов разных государств как на глобальном уровне, так и на индивидуальном. Не только сами глобальные изменения, но и невозможность укрыться от них вызывают широкий спектр реакций как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Стресс, тревожность и нервозность как психологические реакции проявления этих изменений становятся пристальным объектом исследования в существующих уникальных условиях жизни людей в разных государствах.

Социальная напряжённость как понятие, относящееся к области состояний больших групп индивидов, привлекает к себе внимание многих исследователей, особенно в России. У этого понятия есть своя история развития как в зарубежной, так и в отечественной науке [1; 2; 14].

Актуальностью данной статьи является различие подходов к исследованию социальной напряжённости, её двойкой природы. При этом в работах по её исследованию уделяется внимание её описанию, проявлению, но не уделяется внимания восприятию социальной напряжённости со стороны общества и тем более народов различных государств. Благодаря такому исследованию можно сделать шаг к более

полному пониманию СН как с теоретической, так и с практической точки зрения, т. е. к пониманию СН, измерению и управлению ей.

Теоретический анализ представлений о социальной напряжённости

Теоретический анализ исследований показал, что сложилось несколько подходов к определению СН. Ряд авторов рассматривают её как особое состояние социальной системы, характеризующееся нарастанием внутренних противоречий и нестабильностью [6]. Другие подчёркивают роль человеческого фактора, определяя СН через эмоциональное состояние индивидов и групп, их неудовлетворённость условиями жизни. Выделяют также процессуальный подход, когда СН понимается как динамичное явление, включающее ряд этапов нарастания и спада [12].

В качестве детерминант СН исследователи [17] называют социально-экономические (уровень жизни, занятость), политические (доверие к власти, легитимность), этнокультурные (межнациональные отношения) и другие факторы. Отмечается, что СН может носить как явный, так и латентный характер, периодически актуализируясь под влиянием внешних событий [13].

В исследованиях ряда авторов рассматривается взаимосвязь СН с родственными феноменами – социальным конфликтом, протестными настроениями, этнической напряжённостью¹ [11; 14; 16]. Подчёркивается роль СН в возникновении и эскалации конфликтов.

¹ Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. М.: Проспект, 2015. 352 с.

В отечественной психологии исследование СН можно условно разделить на два направления – СН как характеристика общества и СН как самостоятельное явление [1]. Например, В. А. Бараночников [4] рассматривает социальную напряжённость как состояние общества. Такое состояние возникает в результате изменения (трансформации) её социальной структуры. При таком изменении обостряются, выходят на передний план как объективные, так и субъективные противоречия между различными социальными группами. Причину такого обострения автор видит в факторах «материально-имущественных, социально-профессиональных и самоидентификационных» [4, с. 8]. Схожей точки зрения – рассмотрения социальной напряжённости как состояния – придерживается и Г. И. Козырев [9]. С его точки зрения социальная напряжённость является состоянием взаимодействующих сторон, но, уточняет автор, эти отношения носят враждебный характер.

В зарубежной научной литературе социальная напряжённость также привлекает внимание исследователей. Исследователи [20] обращаются к межгрупповым различиям и внутригрупповым сходствам понимания СН в зависимости от доходов групп. В результате исследования авторы приходят к заключению, что социальная напряжённость возрастает при уменьшении количества самих групп, т. е. при сильной поляризации доходов – или, иными словами, когда «бедные беднеют», а «богатые богатеют». Причём более бедные чувствуют данное различие, т. е. социальную напряжённость, острее, чем богатые. Причём

на психологическую напряжённость влияет относительная идентификация при групповом сравнении.

В работе [20] исследуется предположение, что экономическая отсталость может привести к социальному напряжению. Авторы утверждают, что экономическая отсталость увеличивает вероятность социального напряжения, особенно среди населения стран, которые догоняют более развитые. Результаты подтверждают предположение авторов, особенно в форме ненасильственных массовых движений, и предостерегают правительства о возможных последствиях упущенных экономических возможностей для внутренней стабильности страны.

В работе [18] авторы предлагают новый индекс измерения социальной напряжённости. Данный индекс включает в себя измерение депривации среди бедных и удовлетворённости среди богатых, когда они сталкиваются с различными распределениями доходов. Авторы предлагают справедливый налоговый подход как способ снижения социальной напряжённости.

Зарубежный и отечественный подходы не являются противоположными, а скорее, дополняют друг друга. При объединении двух подходов можно рассматривать появление, усиление социальной напряжённости в ситуациях, когда происходят изменения социальной структуры общества, обостряются различия между отдельными социальными группами. Происходит такое обострение за счёт «материально-профессиональных и социально-профессиональных» факторов, которые приводят к имущественному расслоению и со временем к уменьшению групп, а за счёт «самоидентификационных»

процессов происходит относительная идентификация при групповом сравнении. Это составляет характеристику социальной напряжённости.

Таким образом, возникает следующее предположение: изменения социальных структур различных обществ могут происходить, с одной стороны, постоянно, а с другой – интенсивность таких изменений может измениться от незаметных «вялотекущих» до резких «сломов» наличествующих социальных структур. Следовательно, восприятие социальной напряжённости социальными группами различных стран может отличаться друг от друга.

Особенностью, на которую необходимо обратить внимание, является тот факт, что зарубежные авторы [18; 19; 20] уделяют поверхностное внимание определению понятия «социальная напряжённость», что может вносить некую путаницу при знакомстве с исследованиями конкретных авторов, что само собой не умаляет их научной ценности.

Таким образом, феномен социальной напряжённости является комплексным системным явлением, отражающим состояние как отдельных социальных групп, так и общества в целом. Именно этим и определяется новизна исследования.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие 418 респондентов – граждане России (240 человек) и граждане Казахстана (178 человек) от 22 до 45 лет, средний возраст составил 30 лет. Опрос проводился посредством сети Интернет.

Респондентам предлагалось заполнить анкету в онлайн-сервисе Google

Forms. В анкете содержалось шесть незаконченных предложений для ответов на ряд вопросов:

1. Социальную напряжённость я понимаю как: Социальная напряжённость это ...

2. Я испытываю социальную напряжённость в ситуациях...

3. На моё психоэмоциональное состояние социальная напряжённость влияет ...

4. Когда я испытываю социальную напряжённость, то ...

5. В обществе социальная напряжённость проявляется как ...

6. Пережить социальную напряжённость мне помогают ...

Гипотеза заключалась в том, что жители России и Казахстана воспринимают социальную напряжённость по-разному. При этом восприятие социальной напряжённости содержит и общие характеристики.

Для обработки результатов и анализа полученного массива данных был применён метод контент-анализа [15]. Данный метод использовался потому, что он позволяет обрабатывать неструктурированные данные, т. к. опросник содержит «открытые» вопросы. С помощью контент-анализа можно выделить смысловое содержание ответов респондентов.

Существует много определений социальной напряжённости. В данной работе мы используем следующее понимание социальной напряжённости, которое дано Т. И. Шульгой и В. С. Левицкой – социальная напряжённость является «специфическим для человеческой психики отражением неравновесности социального бытия, являющееся условием взаимодействия, взаимобмена социальных и психиче-

ских форм, опосредованного потребностями, интересами, нормами и ценностями, присущими отдельным людям и социальным группам» [17, с. 55].

Результаты полученных данных

С помощью контент-анализа выявлено, что понимание социальной напряжённости делится на три категории:

1. Противоречия, которые охватывают процесс возникновения и развития, обуславливающий социальную напряжённость [4].

2. Психоэмоциональное состояние, которое находит своё отражение в «эмоции, неудовлетворённость существующим положением, отношение к происходящему, к другим индивидам и группам» [10].

3. Снижение уровня жизни – форма трудностей, по отношению к которым социальная напряжённость выступает в качестве «дезадаптационного / адаптационного синдрома» [7].

Результаты, представленные на рис. 1, позволяют увидеть, что наибольшее количество респондентов в российской выборке понимает социальную напряжённость как психоэмоциональное состояние – 49%. При этом в казахстанской выборке это понимание проявилось как снижение уровня жизни – 45%. Это свидетельствует о разном понимании социальной напряжённости, при этом понимание её как противоречия также высоко в российской выборке, 32%, а в казахстанской выборке психоэмоциональное состояние составляет 38%.

Соотношение между категориями для обеих выборок также примерно одинаково. Для первого места 45% и 49%, для второго – 38% и 32%, а для третьего – 19% и 17%, т. е. обе выборки схожи в части пропорций восприятия СН.

В категории понимания социальной напряжённости как «противоречия» (см. рис. 2) выявлено, что его смысл

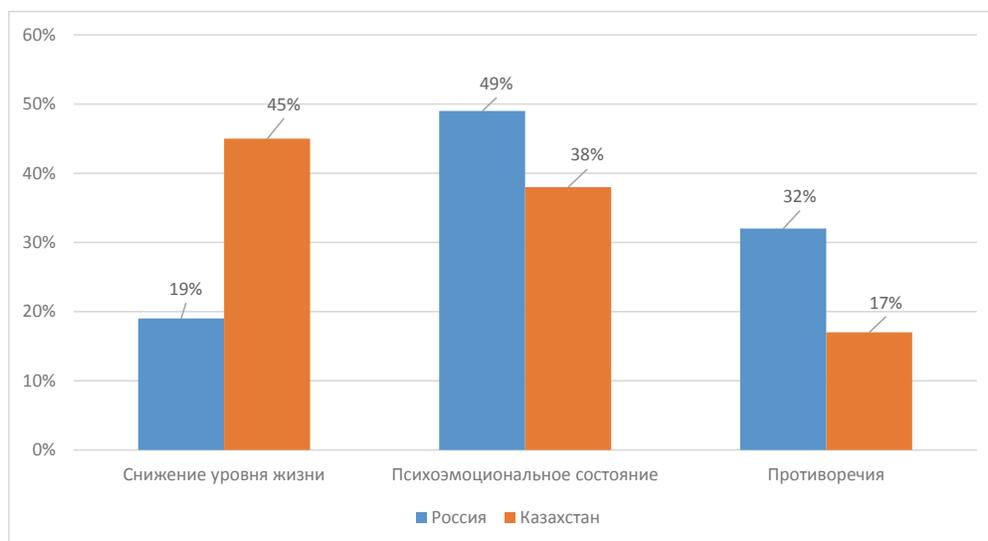

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты понимания социальной напряженности жителями России и Казахстана по категориям (в %) / Results of understanding social tension by residents of Russia and Kazakhstan by category (in %)

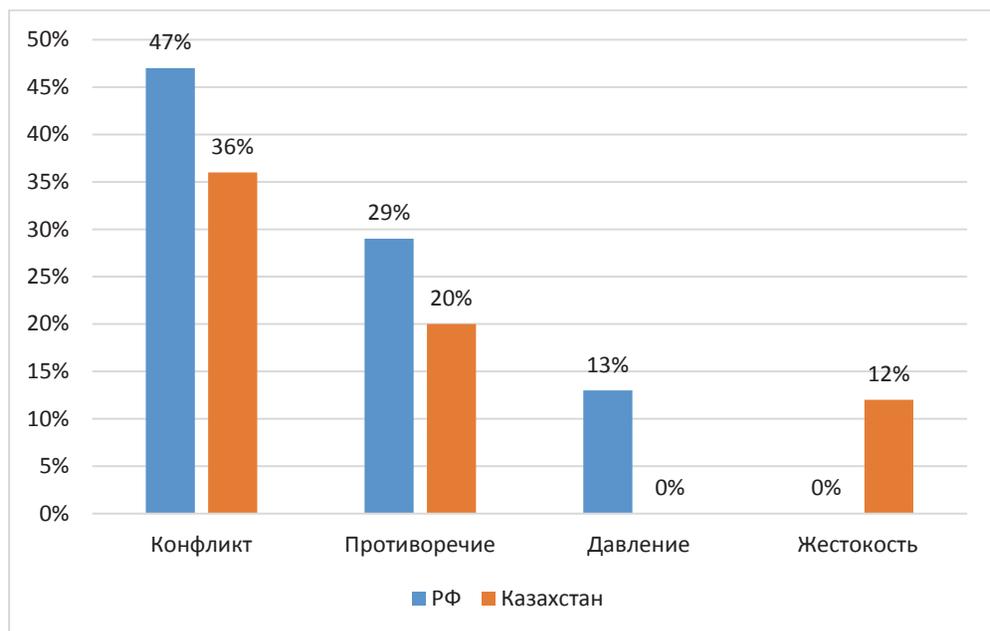

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты понимания содержания категории «Противоречия» жителями двух стран / Results of understanding the content of the category «Contradictions» by residents of two countries

рассматривается как «конфликт» – 47% российской выборки и 36% казахстанской. На втором месте противоречие само по себе – 29% и 20% соответственно. На третьем месте у российской выборки находится «давление» – 13%, а у казахстанской – «жестокость» – 12%, которая отсутствует у жителей России. В казахстанской выборке противоречие рассматривается еще как митинги, забастовки, агрессия – т. е. как некоторое действие – по 8%.

При рассмотрении СН как «психоэмоционального состояния» (см. рис. 3) смысловое содержание данного понятия характеризует то, что чувствуют, переживают люди в настоящее время. При этом жители России более широко представляют СН, вектор их смыслового содержания более разнообразен, чем у жителей Казахстана. В обеих выборках наибольшее число ответов

связано с общим негативным состоянием. При более точном рассмотрении 53% и 69% респондентов соответственно воспринимает напряжённость как состояние, не поддающееся конкретному описанию (состояние, напряжённость или эмоции), т. е. для жителей Казахстана в большей степени, но и для жителей России также, социальная напряжённость является скорее менее рефлексивным состоянием.

По результатам контент-анализа можно предположить, что переживание СН связано в большей степени с негативным состоянием. У жителей России – с недовольством, трудностями, неудовлетворённостью, волнением и тревогой. У жителей Казахстана переживания такие же, кроме состояния недовольства. Состояния тревоги, волнения воспринимаются как переживание страха СН.

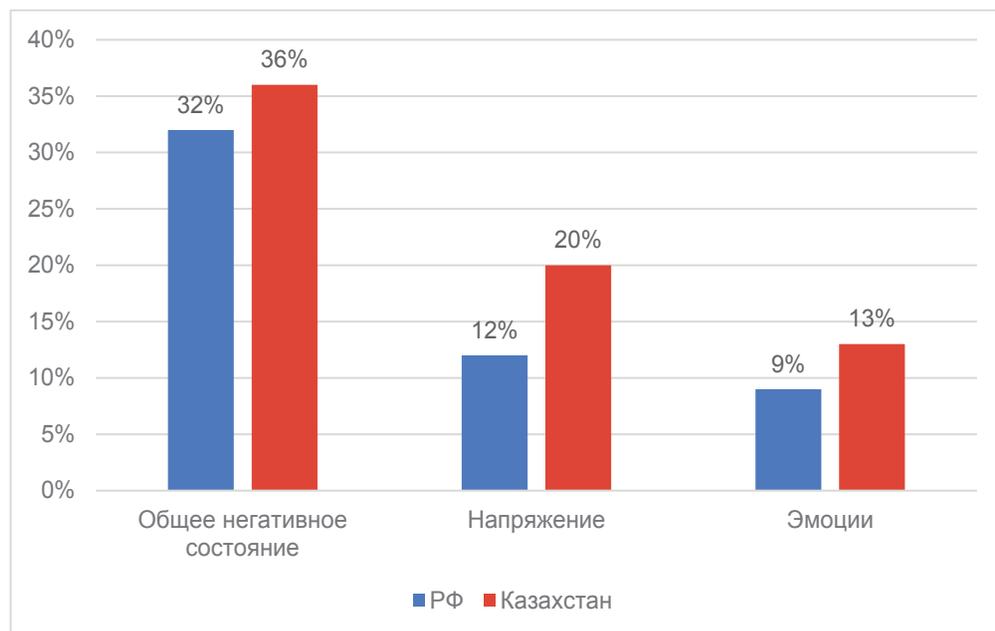

Рис. 3 / Fig. 3. Результаты понимания содержания «Психоэмоциональное состояние» жителями двух стран / Results of understanding the content «Psycho-emotional state» by residents of two countries

При рассмотрении СН как «Снижение уровня жизни» (см. рис. 4) выделено следующее содержание данной категории – она характеризуется для жителей России такими единицами анализа, как «социальные» – 17% и «экономические» – 17%, а также «условия жизни» – 15%.

Для жителей Казахстана данная категория характеризуется такими единицами анализа, как «условия жизни» – 15%, «социальные» – 15% и «экономические» – 13%.

По результатам исследования выявлено, что для жителей России «снижение уровня жизни» в первую очередь связано с «социальными» и «экономическими» условиями, что можно отнести к переживанию социальной напряжённости большими группами и малыми (близкими людьми), а для жителей Казахстана в первую очередь «ус-

ловия жизни» и «социальные условия» могут быть отнесены как к большим группам (условия жизни общества), так и к малым (условия жизни определённой группы, например, семьи).

Таким образом, можно сделать вывод, что при кажущейся близости восприятия социальной напряжённости российскими и казахстанскими респондентами результаты позволяют выделить особенности понимания и восприятия ими СН. Если для жителей Казахстана СН в первую очередь проявляется именно в экономической плоскости, то для жителей России в плоскости «психоэмоциональных состояний».

Далее было рассмотрено, в каких ситуациях респонденты испытывают социальную напряжённость (см. рис. 5). Были выделены следующие категории:

1. В ситуациях социального взаимодействия – как в системе социальных

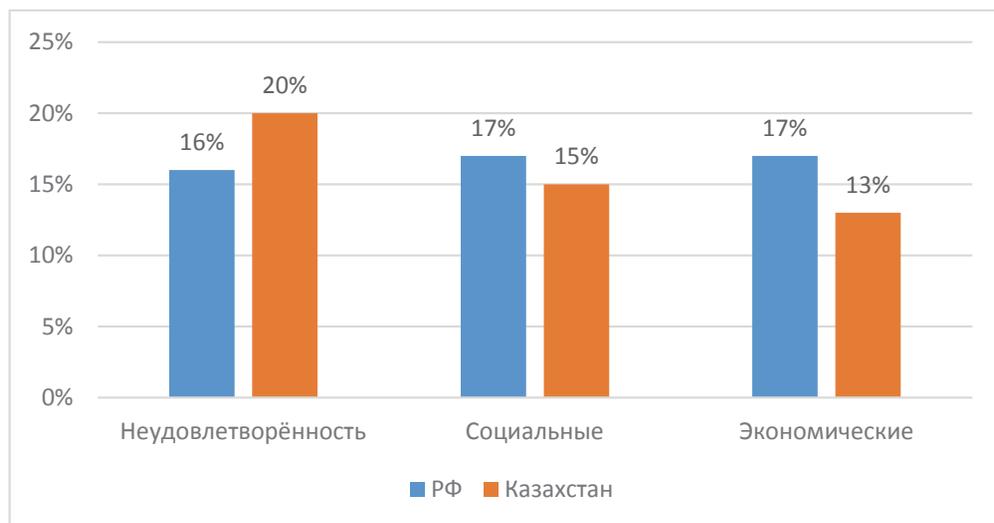

Рис. 4 / Fig. 4. Результаты понимания содержания «Снижение уровня жизни» жителями двух стран / Results of understanding the content «Decreased standard of living» by residents of two countries

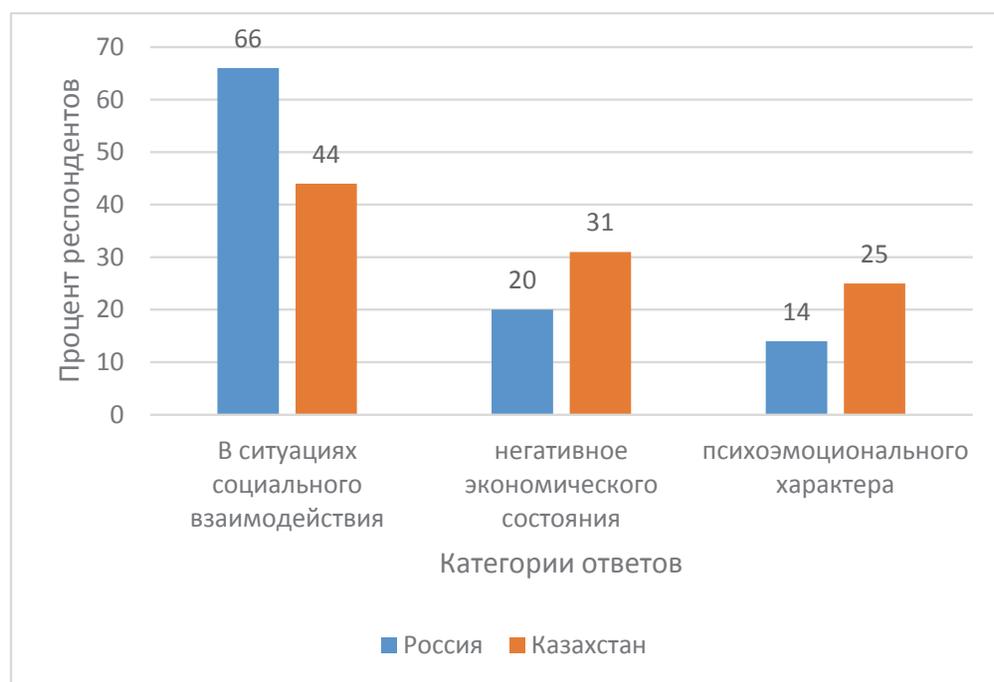

Рис. 5 / Fig. 5. Результаты понимания ситуаций, в которых испытывается социальная напряжённость жителями России и Казахстана / Results of understanding situations in which social tension is experienced by residents of Russia and Kazakhstan

действий, которые социальная напряжённость обуславливает [18].

2. В ситуациях негативного экономического состояния – нехватка денег, бедность, недостаток как изменения социальной среды, негативно влияющей на способность адаптироваться и выживать.

3. В ситуациях психоэмоционального характера – в форме социальной напряжённости находят своё отражение «эмоции, неудовлетворённость существующим положением, отношение к происходящему, к другим индивидам и группам» [13, с. 48].

В казахстанской выборке между категориями «социального взаимодействия» и «негативного эмоционального состояния» разница составляет 14% – 44% и 31% соответственно, а между «негативными экономическими состояниями» и ситуациями «психоэмоционального характера» разница

составляет также 6% – 31% и 25% соответственно – т. е. разница в 2,3 раза.

В данном случае можно говорить, что казахстанская выборка воспринимает ситуации, в которых возникает СН, более «монолитно», в отличие от российской выборки, которая в 2/3 случаев к ситуациям, в которых она испытывает СН, относит ситуации социального взаимодействия.

В категория ситуаций СН как «Социального взаимодействия» (см. рис. 6) взгляды жителей России и жителей Казахстана совпадают. В первую очередь «социальное взаимодействие» подразумевает людей – 29% жителей России и 27% жителей Казахстана, далее следует «конфликт» – 19% в обеих выборках. А затем содержание начинает расходиться. Если у жителей Казахстана на третьем месте стоит «национальность» – 15%, то у жителей России – «общество» – 15%.

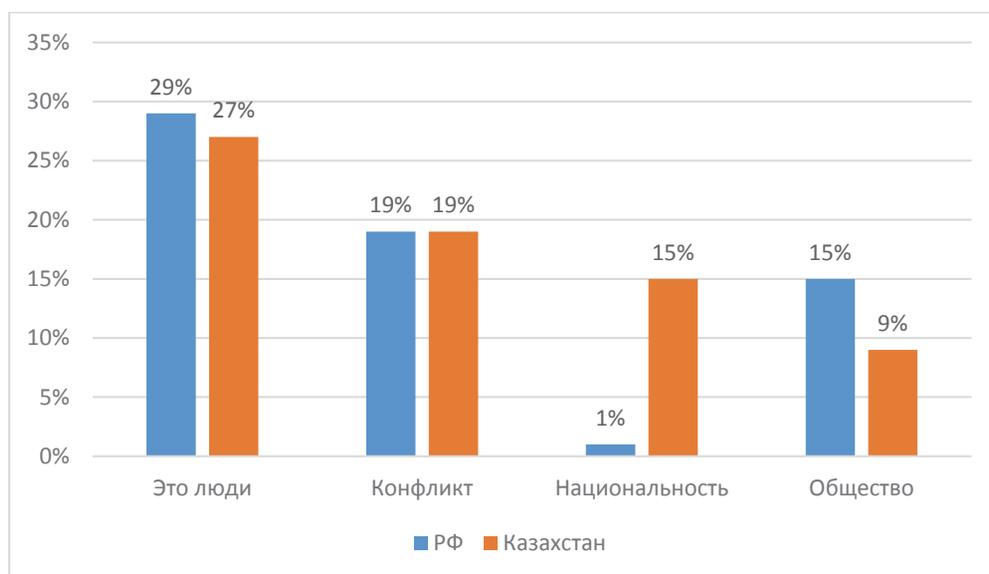

Рис. 6 / Fig. 6. Результаты понимания содержания «Социальное взаимодействие» / Results of understanding the content «Social interaction»

При объединении первой категории, компоненты которой в сумме составляют чуть больше 60%, можно получить следующие результаты. Жители России воспринимают ситуации, в которых возникает социальная напряжённость, как «социальное взаимодействие между людьми, а также в форме конфликта в обществе». А жители Казахстана как «социальное взаимодействие между людьми в форме конфликта национальностей».

При рассмотрении категории «Негативные экономические изменения» (см. рис. 7) её содержание различается между казахстанской и российской выборками. В казахстанской выборке 63% относят к категориям «цены» – 33% и «работа» – 30%. При этом «жизнь» отстаёт от «работы» на 22%, или в 3.75 раза. Единицы анализа российской выборки распределились следующим образом: 70% заняли кате-

гории «цены», 28%, «работа» и «экономика» – 16% и жизнь – 13%.

Смысловое содержание «негативных экономических изменений» понимается и воспринимается в ситуации возникновения социальной напряжённости в обеих выборках как цена и работа, и при этом жители России воспринимают «негативные экономические изменения» более обобщённо. Для них категории «жильё», «финансы» и «медицина» из-за минимального процента упоминания можно охарактеризовать как «неважные».

Анализ содержания категории «психоэмоционального характера» (см. рис. 8) показал, что выявилась особенность – большую часть занимают ответы «не испытываю» – 43% российской выборки и 52% казахстанской. Далее следует психоэмоциональный характер – «напряжённость» – 29% и 34% соответственно, «тревожность» –

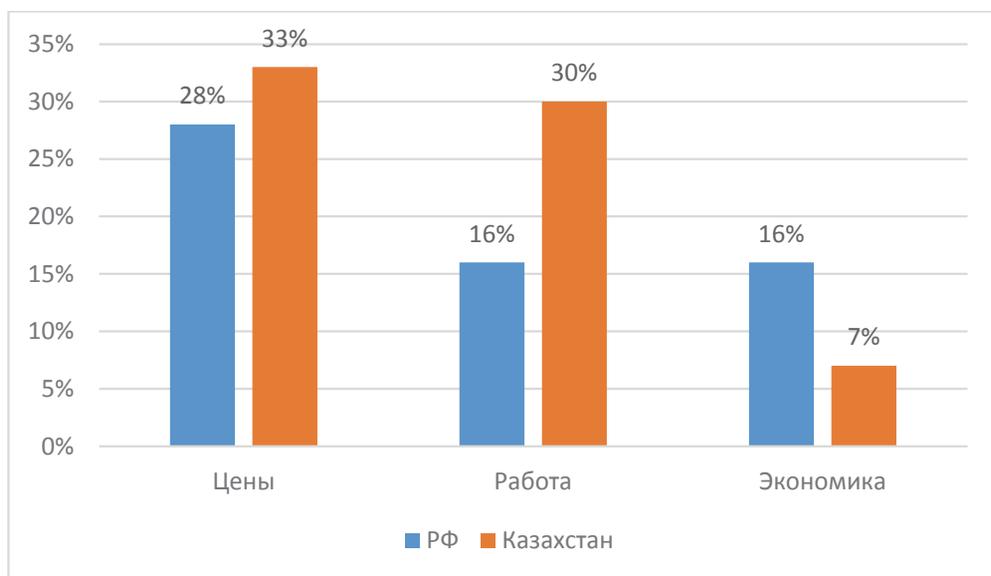

Рис. 7 / Fig. 7. Результаты понимания содержания «Негативные экономические изменения» / Results of understanding the content «Negative economic changes»

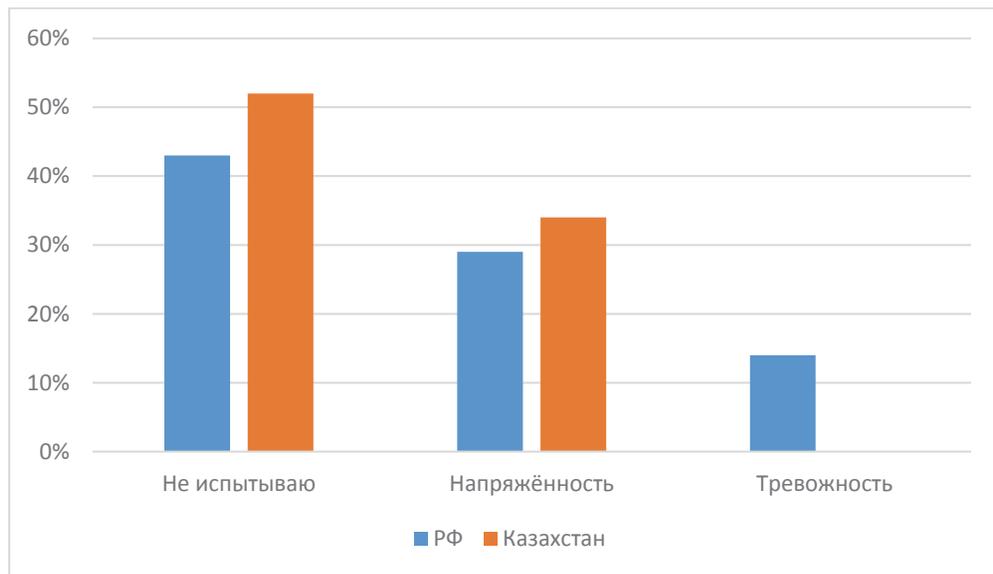

Рис. 8 / Fig. 8. Результаты понимания содержания «психоэмоционального характера» / Results of understanding the content of «psycho-emotional nature»

14% только в российской выборке. В казахстанской выборке тревожность отсутствует.

В данном случае можно предположить, что выбор варианта «не испытываю» является скорее нежеланием рефлексировать состояние социальной напряжённости, чем описывать его психоэмоциональный характер, что требует обдумывания и времени.

Для того, чтобы пережить социальную напряжённость, респонденты прибегают к трём возможным видам поддержки или регуляции себя (см. рис. 9):

1. Социальное окружение – совокупность людей, объединённых взаимоотношениями с конкретным человеком [8].

2. Психоэмоциональная регуляция – набор процессов, которые люди используют для распознавания, мониторинга, оценки и модификации эмоционального опыта. Эти процессы могут

как увеличивать, так и уменьшать интенсивность и количество эмоциональных реакций [5].

3. Избегание – защитный механизм психики, заключающийся в уклонении (отказе, уходе) от ситуаций и источников неприятного воздействия.

Результаты позволяют увидеть, что наибольшее количество ответов в российской выборке составляет ответ «пережить социальную напряжённость помогает психоэмоциональная регуляция» – 50%. При этом в казахстанской выборке помогает пережить СН социальное окружение – 41%. Это свидетельствует о разном подходе к переживанию социальной напряжённости, при этом «социальное окружение» как способ пережить СН также высоко в российской выборке 45%, а в казахстанской выборке «регуляция» составляет 31%.

Стоит отметить, что разница между категориями «социального окруже-

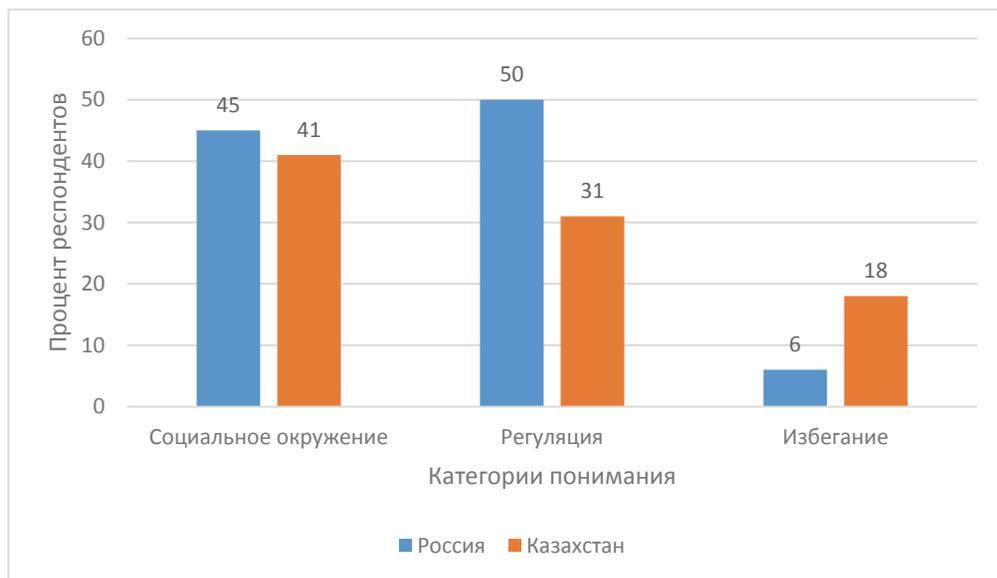

Рис. 9 / Fig. 9. Результаты понимания того, что помогает пережить социальную напряжённость / Insights into what helps cope with social tension

ния» и «психоэмоциональной регуляции» в российской выборке в два раза больше, чем в казахстанской. В российской выборке она составляет: 5% – «регуляция» – 50% и «социальное окружение» – 45%, а в казахстанской выборке 10% – «регуляция» – 41% и «социальное окружение» – 31%.

Обращает на себя внимание категория «избегание». В российской выборке она в три раза ниже, чем в казахстанской – 6% и 18% соответственно.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать предположение, что жители России скорее будут справляться с социальной напряжённостью в социальном окружении и при регуляции себя. А для жителей Казахстана «избегание» также является одним из возможных подходов справиться с СН.

Анализ категории «социального окружения» (см. рис. 10) показывает

различия между жителями России и Казахстана.

Для жителей России подавляющую часть ответов составили категории «близкие» – 41%, «семья» – 18% и «друзья» – 18%, т. е. 77%. Можно предположить, что жители России опираются в первую очередь на довольно обобщённых «близких», а затем уже конкретизируют до «семьи» и «друзей», которые являются для них примерно равноценными при оказании помощи при переживании СН.

Для жителей Казахстана наблюдается другое распределение единиц анализа, более «концентрированное». Подавляющее большинство ответов 74% распределено между тремя единицами анализа – «семья» – 30%, «друзья» – 24% и родные – 22%, т. е. жители Казахстана опираются изначально на «семью», затем «друзей», после чего на более обобщённую категорию «родных».

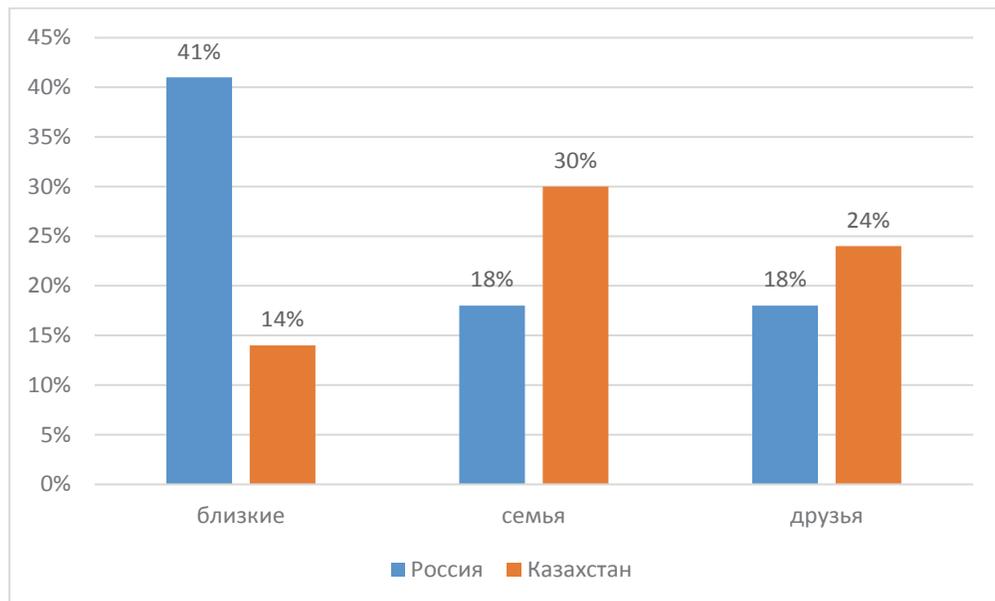

Рис. 10 / Fig. 10. Распределение способов оказания помощи при «Социальное окружение» / Distribution of methods of providing assistance in «Social environment»

Можно предположить, что жители России ближе к участию в более широких социальных группах, в то время как жители Казахстана выражены сконцентрированы именно на семье.

Содержание категории «регуляция» для жителей России следующее (см. рис. 11): 66% составляют 5 категорий: «спорт» – 19%, «музыка» – 14%, «психология» – 11%, «прогулка» – 11%, т. е. жители России считают, что могут справиться с воздействием социальной напряжённости довольно разнообразным количеством подходов.

В то же время для жителей Казахстана самые популярные способы регуляции – «эмоции» – 13%, «музыка» – 13% и «игры» – 11%: приходится только 36% от общего числа единиц анализа в данной категории. А все единицы анализа занимают диапазон от 2% до 13%, т. е. 11%. Можно предположить, что «коридор» инструментов,

помогающих справиться с СН, у жителей Казахстана более узкий и при этом более равномерный.

Анализ категории «избегание» показал (см. рис. 12), что она имеет разное содержание для жителей России и жителей Казахстана. Разница в количестве единиц анализа – у жителей Казахстана 2 единицы анализа, у жителей России 3 единицы анализа. Отдельные единицы анализа также не совпадают. У жителей Казахстана есть единица анализа «помощь», которая отсутствует у жителей России. И наоборот, у жителей России есть единицы анализа «алкоголь» и «абстрагироваться», которые отсутствуют у жителей Казахстана.

Для определения статистической значимости результатов был использован критерий Пирсона, поскольку он используется для изучения различий между независимыми выборками.

Рис. 11 / Fig. 11. Распределение способов в категории «Регуляция» / Distribution of methods in the «Regulation» category

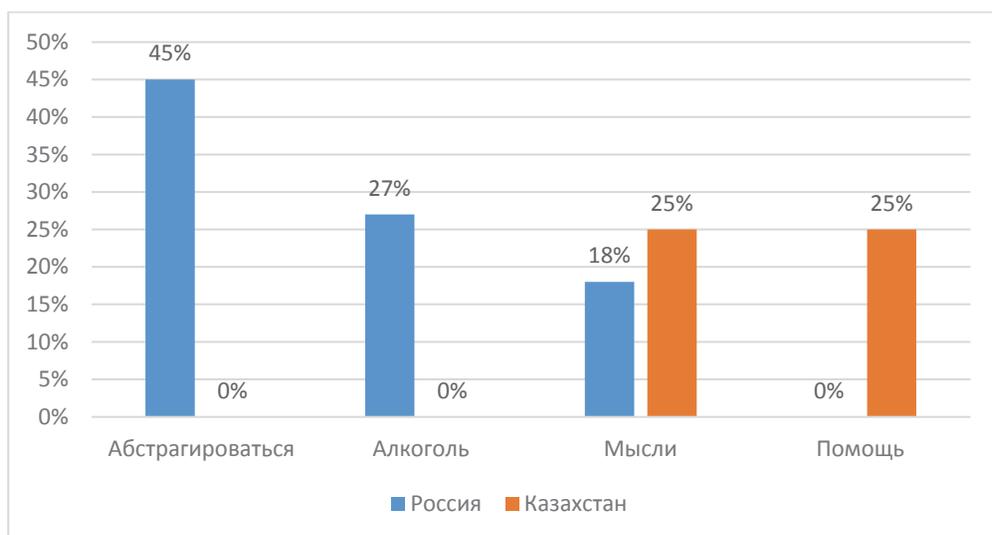

Рис. 12 / Fig. 12. Распределение способов в категории «Избегание» / Distribution of methods in the «Avoidance» category

Нулевой гипотезой является то, что жители России и Казахстана воспринимают социальную напряжённость по-разному. Альтернативной гипотезой является одинаковость восприятия социальной напряжённости.

Для расчёта критерия Манна-Уитни использовалась следующая последовательность действий:

1. Расчёт теоретической частоты ($t_{\text{т}}$).
2. Подсчёт разности между эмпирической и теоретической частотой по каждому разряду.

3. Определено число степеней свободы. Внесена поправка на «непрерывность» (если $v=1$).

4. Возведение полученной разности в квадрат.

5. Деление полученных квадратов разностей на теоретическую частоту.

6. Полученная сумма является $\chi^2_{\text{Эмп}}$.

Результаты расчётов представлены в табл. 1–3.

Получившиеся значения $\chi^2_{\text{Эмп}}$ представлены в таблице 4.

Результаты могут считаться статистически значимыми, если $\chi^2_{\text{Эмп}}$ достигает или превышает $\chi^2_{0.05}$, и тем более достоверными, если $\chi^2_{\text{Эмп}}$ достигает или превышает $\chi^2_{0.01}$.

Т. к. $\chi^2_{\text{Эмп}}$ превышает критическое значение, гипотеза о том, что восприятие социальной напряжённости,

Таблица 1 / Table 1

Распределение теоретических и эмпирических частот для категорий «Понимания социальной напряжённости» / Distribution of theoretical and empirical frequencies for the categories «Understanding social tensions»

N	Эмпирическая частота	Теоретическая частота	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2/f_{\text{T}}$
1	19	32	-13	169	5.281
2	45	32	13	169	5.281
3	49	43.5	5.5	30.25	0.695
4	38	43.5	-5.5	30.25	0.695
5	32	24.5	7.5	56.25	2.296
6	17	24.5	-7.5	56.25	2.296
Суммы	200	200	-	-	16.544

Таблица 2 / Table 2

Распределение теоретических и эмпирических частот для категорий «Понимания ситуаций, в которых испытывается социальная напряжённость» / Distribution of theoretical and empirical frequencies for the categories «Understanding situations in which social tension is experienced»

N	Эмпирическая частота	Теоретическая частота	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2/f_{\text{T}}$
1	66	55	11	121	2.2
2	44	55	-11	121	2.2
3	20	25.5	-5.5	30.25	1.186
4	31	25.5	5.5	30.25	1.186
5	14	19.5	-5.5	30.25	1.551
6	25	19.5	5.5	30.25	1.551
Суммы	200	200	-	-	9.874

Таблица 3 / Table 3

Распределение теоретических и эмпирических частот для категорий «Понимания способов совладения с социальной напряжённостью» / Distribution of theoretical and empirical frequencies for the categories «Understanding ways of coping with social tension»

N	Эмпирическая частота	Теоретическая частота	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{Т}})$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{Т}})^2$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{Т}})^2/f_{\text{Т}}$
1	45	45.48	-0.48	0.23	0.005
2	41	40.52	0.48	0.23	0.006
3	50	42.83	7.17	51.41	1.2
4	31	38.17	-7.17	51.41	1.347
5	6	12.69	-6.69	44.76	3.527
6	18	11.31	6.69	44.76	3.958
Суммы	191	191	-	-	10.043

Таблица 4 / Table 4

Значения $\chi^2_{\text{Эмп}} / \chi^2_{\text{Эмп}}$ values

Наименование вопроса	Значения $\chi^2_{\text{Эмп}}$
Понимания социальной напряжённости	16.544
Понимания ситуаций, в которых испытывается социальная напряжённость	9.874
Понимания способов совладения с социальной напряжённостью	10.043

Критические значения χ^2 при $v=2$ для всех вопросов одинаковые.

Таблица 5 / Table 5

Критические значения χ^2 / Critical values of χ^2

v	p	
	0.05	0.01
2	5.991	9.21

ситуаций, в которых респонденты испытывают СН, а также методы, которыми они с нею совладают, различаются в зависимости от страны проживания (Россия и Казахстан).

Помимо расчёта критерия Пирсона, было изучено, какая категория ответов в каждом вопросе внесла наибольший вклад в него.

В результате применения критерия Пирсона выявлено, что наибольший вклад в восприятие социальной напряжённости в российской выборке вносит категория «психоэмоционального состояния», а в казахстанской – категория «снижения уровня жизни».

Наибольший вклад в восприятие ситуаций как социально напряжённых

для жителей России внесла категория «негативных экономических состояний», а для жителей Казахстана – ситуации «социального взаимодействия».

В категориях ответов на вопрос «что помогает справиться с СН» у жителей России наибольший вклад вносит «регуляция», а для жителей Казахстана – «избегание».

В целом выявлено, что у жителей России из-за большего внимания к происходящим экономическим изменениям восприятие их более эмоциональное, но при этом они используют разнообразные способы управления эмоциональной регуляцией.

Жители Казахстана, предположительно, более политизированы и обращают внимание на противоречия в обществе, связывают их со снижением уровня жизни. Выявлено также, что при этом на личном уровне они скорее будут избегать таких ситуаций, чем предпринимать какие-то действия.

Выводы и заключение

Таким образом, исследование показало, что в восприятии социальной напряжённости жителей России и Казахстана выявлены довольно похожие ситуации её переживания, но имеются различия, несмотря на то что они имеют историю в составе единого государства с общими культурными, политическими и социальными пространствами, в последние годы идут процессы экономического взаимодействия в рамках Таможенного союза и т. д.

Выявлено, что жители России и Казахстана по-разному относятся к пониманию и восприятию социаль-

ной напряжённости. Жители России воспринимают СН как более эмоциональное явление, а жители Казахстана связывают её с экономической ситуацией. У жителей двух государств социальная напряжённость вызывает в первую очередь тревогу, волнение, нервозность, страх, с которыми жители России справляются при помощи регуляторных механизмов, а жители Казахстана – опираясь на социальное окружение.

Показано, что жители Казахстана более выдержаны – диапазоны, по которым распределялись ответы респондентов, внутри категорий довольно узкие, а сами ответы распределены равномерно. У жителей России вариативность более обобщённая, при этом отдельные единицы анализа существенно выделяются. Это свидетельствует о том, что жители России склонны к более сильным, но не очень разнообразным реакциям переживания социальной напряжённости, а жители Казахстана склонны к более сдержанным и более разнообразным реакциям на социальную напряжённость.

Исследование не исчерпывает изучения понимания и восприятия социальной напряжённости в обществе. Следует провести дальнейшее кросс-культурное сравнение данного психологического феномена. Практика требует оказания психологической помощи при переживании страха, стресса, социальной напряжённости в обществе.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанаскин А. Б. Обзор исследований социальной напряжённости в западной науке // Психология и педагогика: актуальные проблемы теории и практики: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2023 г. / под ред. А. Д. Лунина. СПб.: НИЦ АРТ, 2023. С. 7–9.
2. Афанаскин А. Б. Подходы к исследованию феномена социальной напряжённости в социальной психологии // Человеческий капитал. 2023. № 4 (172). С. 123–133.
3. Афанаскин А. Б. Проблема изучения социальной напряжённости в обществе // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований: материалы Международной научно-практической конференции «XVI Левитовские чтения», Москва, 14–15 апреля 2021 г. / под ред. М. О. Резванцевой, Т. Н. Мельникова, Е. А. Густова. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 517–519.
4. Бараночников В. А. Социальная напряжённость в условиях трансформации социальной структуры современного российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2015. 25 с.
5. Виленская Г. А. Эмоциональная регуляция: факторы её развития и связанные с ней виды поведения // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 63–76.
6. Данакин Н. С., Дятченко Л. Я., Сперанский В. И. Механизмы социальной регуляции и технологии управления конфликтом // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 151–162.
7. Деркач А. А., Сухов А. Н. Социальная психология. М.: Академия, 2001. 600 с.
8. Злоказов К. В. Влияние характеристик социального окружения на делинквентное поведение лиц, находящихся под административным надзором // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 225–234.
9. Козырев Г. И. Политическая конфликтология. М.: Форум, 2008. 432 с.
10. Марцинковская Т. Д., Орестова В. Р. Эстетическая парадигма в транзитивном мире // Артикульт. 2017. № 27 (3). С. 134–143.
11. Михеев И. В. Понятие социальной напряжённости в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 5. С. 206–213.
12. Рукавишников В. О. Социально-политическая ситуация и общественное мнение // Социс. 1992. № 11. С. 47–57.
13. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998. 389 с.
14. Сидоров А. С., Огнева В. В. Регионализация как важнейший тренд современного мирового развития // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 13–20.
15. Тичер С., Мейер М., Водк Р. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.
16. Тучков Е. В. Социальная напряжённость в регионах Центра России: механизмы диагностики и регулирования: механизмы диагностики и регулирования: дис. ... канд. социол. наук. Орёл, 2000. 179 с.
17. Шульга Т. И., Левицкая В. С. Переживания социальной напряженности различными группами людей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 41–57.
18. Bich P., Chateaufneuf A., Ventura C. Social tension order: A new approach to inequality reduction [Электронный ресурс] // Journal of Mathematical Economics. 2023. № 108. URL: <https://ideas.repec.org> (дата обращения: 22.08.2023).

19. Brunnschweiler C. N., Lujala P. Economic Backwardness and Social Tension // *The Scandinavian Journal of Economics*. 2019. № 121. Iss. 2. P. 482–516.
20. Lee Y., Shin D. Measuring Social Tension from Income Class Segregation // *Journal of Business & Economic Statistics*. 2016. № 34. P. 457–471.

REFERENCES

1. Afanaskin A. B. [Review of studies of social tension in Western science]. In: Lunin A. D., ed. *Psichologiya i pedagogika: aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik nauchnyh trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 24 aprelya 2023 g.* [Psychology and pedagogy: current problems of theory and practice: collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24, 2023]. St. Petersburg, NIC ART Publ., 2023, pp. 7–9.
2. Afanaskin A. B. [Approaches to the study of the phenomenon of social tension in social psychology]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2023, no. 4 (172), pp. 123–133.
3. Afanaskin A. B. [The problem of studying social tension in society]. In: Rezvanceva M. O., Melnikov T. N., eds. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psichologicheskikh, psichologo-pedagogicheskikh, pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovanij: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «XVI Levitovskie chteniya», Moskva, 14–15 aprelya 2021 g.* [Current problems of the theory and practice of psychological, psychological-pedagogical, pedagogical and linguodidactic research: materials of the International scientific and practical conference “XVI Levitov Readings”, Moscow, April 14–15, 2021]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2021, pp. 517–519.
4. Baranochnikov V. A. *Social'naya napryazhyonnost' v usloviyah transformacii social'noj struktury sovremennogo rossijskogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk* [Social tension in the conditions of transformation of the social structure of modern Russian society: abstract of Cand. Sci. thesis in Sociology]. Moscow, 2015. 25 p.
5. Vilenskaya G. A. [Emotional regulation: factors of its development and types of behavior associated with it]. In: *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2020, vol. 41, no. 5, pp. 63–76.
6. Danakin N. S., Dyatchenko L. Ya., Speranskij V. I. [Mechanisms of social regulation and conflict management technologies]. In: *Social'no-politicheskij zhurnal* [Socio-political journal], 1998, no. 3, pp. 151–162.
7. Derkach A. A., Suhov A. N. *Social'naya psichologiya* [Social psychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 600 p.
8. Zlokazov K. V. [The influence of the characteristics of the social environment on the delinquent behavior of persons under administrative supervision]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 1 (93), pp. 225–234.
9. Kozyrev G. I. *Politicheskaya konfliktologiya* [Political conflictology]. Moscow, Forum Publ., 2008. 432 p.
10. Marcinkovskaya T. D., Orestova V. R. [Aesthetic paradigm in the transitive world]. In: *Artikul't* [Artikult], 2017, no. 27 (3), pp. 134–143.
11. Miheev I. V. [The concept of social tension in domestic and foreign social and humanitarian science]. In: *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University], 2010, no. 5, pp. 206–213.
12. Rukavishnikov V. O. [Socio-political situation and public opinion]. In: *Socis* [Socis], 1992, no. 11, pp. 47–57.

13. Soldatova G. U. *Psihologiya mezhetnicheskoj napryazhyonnosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 389 p.
14. Sidorov A. S., Ogneva V. V. [Regionalization as the most important trend of modern world development]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula State University. Humanitarian sciences], 2015, no. 2, pp. 13–20.
15. Ticher S., Mejer M., Vodk R. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods for text and discourse analysis]. Harkov, Gumanitarnyj Centr Publ., 2017. 356 p.
16. Tuchkov E. V. *Social'naya napryazhyonnost' v regionah Centra Rossii: mekhanizmy diagnostiki i regulirovaniya: mekhanizmy diagnostiki i regulirovaniya: dis. ... kand. sociol. nauk* [Social tension in the regions of the Center of Russia: mechanisms of diagnosis and regulation: mechanisms of diagnosis and regulation: Cand. Sci. thesis in Sociology]. Oryol, 2000. 179 p.
17. Shulga T. I., Levickaya V. S. [Experiences of social tension by various groups of people]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], 2014, no. 1, pp. 41–57.
18. Bich P., Chateaneuf A., Ventura C. Social tension order: A new approach to inequality reduction. In: *Journal of Mathematical Economics*, 2023, no. 108. Available at: <https://ideas.repec.org> (accessed: 22.08.2023).
19. Brunnschweiler C. N., Lujala P. Economic Backwardness and Social Tension. In: *The Scandinavian Journal of Economics*, 2019, no. 121, iss. 2, pp. 482–516.
20. Lee Y., Shin D. Measuring Social Tension from Income Class Segregation. In: *Journal of Business & Economic Statistics*, 2016, no. 34, pp. 457–471.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанаскин Александр Борисович – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
e-mail: a.afanaskin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8731-1228

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
e-mail: shulgatiana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3584-6087

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander B. Afanaskin – Graduate Student of the Department of Social and Educational Psychology of the State University of Education;
e-mail: a.afanaskin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8731-1228

Tatyana I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof. of the Department of Social and Educational Psychology of the State University of Education;
e-mail: shulgatiana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3584-6087

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Афанаскин А. Б., Шульга Т. И. Сравнительный анализ восприятия социальной напряжённости жителями России и Казахстана // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 48–69.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-48-69

FOR CITATION

Afanaskin A. B., Shulga T. I. Comparative analysis of the perception of social tension by residents of Russia and Kazakhstan. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 48–69.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-48-69